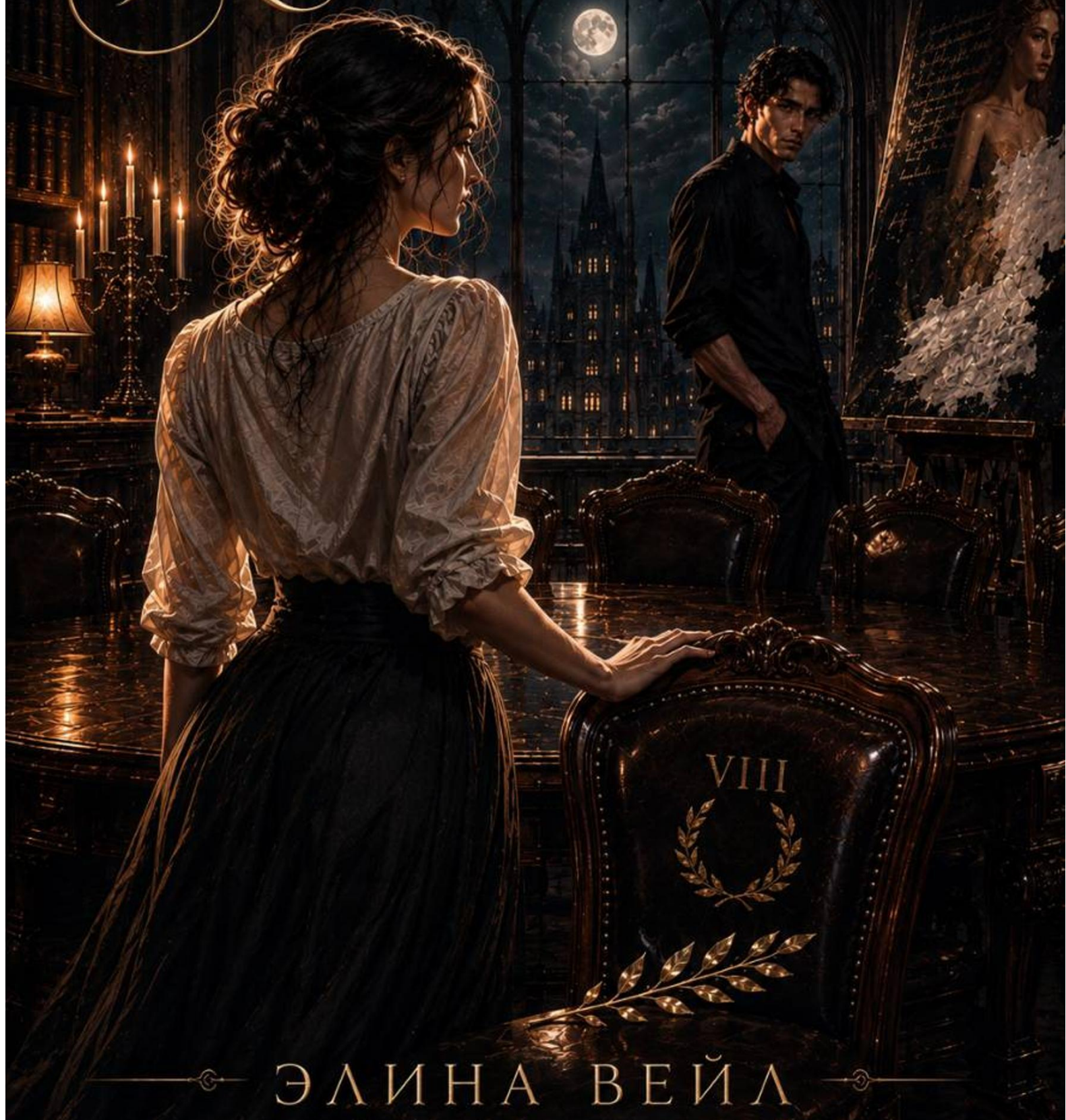

ОБЩЕСТВО АПОЛЛОНА

ЭЛИНА ВЕЙЛ

Элина Вейл

Общество Аполлона

«Автор»

2026

Вейл Э.

Общество Аполлона / Э. Вейл — «Автор», 2026

В Университете Святого Аврелия талант открывает двери. Но некоторые из них лучше не открывать. Лена Хартманн приезжает сюда, чтобы доказать прежде всего себе, что способна стать писательницей. Вместо этого её выбирают Музой Общества Аполлона — закрытого круга из семи самых талантливых студентов университета. В течение года каждый из них должен создать произведение, вдохновлённое Леной. Особенно Адриан Восс — художник, который единственный голосовал против её кандидатуры. Чем ближе Лена становится к Адриану и чем глубже погружается в архивы Общества, тем яснее понимает: история о семи художниках и одной Музе когда-то была совсем другой. Сто лет назад за столом стояло восемь одинаковых кресел. И первая Муза не была чьим-то вдохновением. Она была восьмым автором.

© Вейл Э., 2026

© Автор, 2026

Элина Вейл

Общество Аполлона

Глава 1. Чужой абзац

К третьей неделе в Святом Аврелии я поняла две вещи. Во-первых, здесь все знали, где твоё место, раньше тебя. Во-вторых, если ты сама его не займёшь, кто-нибудь обязательно сделает это за тебя.

В аудиторию профессора Моро я пришла за двенадцать минут до начала и всё равно обнаружила, что свободными остались только два стула: возле двери и в первом ряду.

Я выбрала первый ряд.

Не из любви к преподавателям. Просто возле двери уже сидел парень с таким количеством цепочек на брюках, что весь семинар пришлось бы слушать под звон металла.

Сентябрь в Варене неожиданно закончился. Ещё два дня назад люди обедали на ступенях главного корпуса, а сегодня в аудитории пахло мокрой шерстью, кофе и старым отоплением, которое включили слишком поздно.

Я достала распечатку.

Двенадцать страниц.

Рассказ, который накануне отправила профессору Моро без имени.

Так проходили её семинары: авторы сдавали тексты анонимно, остальные разбирали их вслух, а уже потом выяснялось, кто сидел в комнате и слушал собственное вскрытие.

Мне эта система нравилась ровно до сегодняшнего дня.

— Хартманн.

Я обернулась.

Миа стояла в проходе, держа в одной руке кофе, в другой телефон.

— Ты заняла мне место?

— Нет.

— Какая неожиданная жестокость.

— За двенадцать минут до пары было полно свободных.

— Я пришла за три.

— Именно.

Она села через ряд позади и тут же наклонилась ко мне:

— Сегодня твой?

Я сделала вид, что не слышу.

— Значит, твой.

— Миа.

— Всё. Я вообще тебя не знаю.

В аудиторию вошла профессор Моро, положила папки на кафедру и сняла мокрый шарф. За ней появились ещё несколько студентов.

Последним вошёл Адриан Восс.

Я знала его имя задолго до того, как увидела его в университете.

Так здесь было со многими.

Сын Маттиаса Восса. Своя первая персональная выставка в двадцать один. Премия молодых художников в Париже. Председатель Общества Аполлона.

В университетской среде существовал особый тип знаменитости: тебя могли не узнавать на улице, зато двадцать преподавателей знали, где ты провёл прошлое лето и с кем ужинал после выставки.

Адриан относился именно к таким.

Он сел сбоку, рядом с двумя студентами художественного факультета. На указательном пальце правой руки было тонкое серебряное кольцо в форме лавровой ветви.

Я отметила его автоматически и тут же разозлилась на себя.

Профессор Моро начала без вступления.

— Сегодня один текст. Если останется время, перейдём ко второму.

У меня неприятно сжался желудок.

Она раздала копии.

Мой рассказ.

Я увидела знакомый первый абзац вверх ногами на соседнем столе.

Девушка входила в дом умершей бабушки и находила тридцать семь одинаковых конвертов, перевязанных зелёной лентой. Все были адресованы одному человеку. Человеку, которого, судя по всему, никогда не существовало.

Никакого убийства.

Никакой семейной тайны, которую следовало раскрыть на последней странице.

Мне хотелось написать про одиночество и про то, как иногда человеку нужен не адресат, а возможность представить, что его кто-нибудь слушает.

Разумеется, именно это я больше всего боялась объяснить.

Первые десять минут прошли лучше, чем ожидала.

Кто-то похвалил дом.

Кто-то сказал, что бабушка получилась убедительной, хотя почти не присутствовала в тексте.

Студент в красном свитере счёл письма слишком очевидным символом.

Я мысленно пожелала ему небольшого несчастья.

Потом профессор Моро спросила:

— Концовка?

Молчание продержалось секунды три.

Адриан поднял глаза от страницы.

— Последний абзац лишний.

Не «я бы убрал».

Не «мне показалось».

Лишний.

Я посмотрела на него.

Он продолжил:

— До него рассказ оставляет открытым вопрос, зачем она писала письма. Потом автор объясняет. Причём подробно.

— Может, автор хотел, чтобы это было понятно, — сказала девушка возле окна.

— Тогда всё получилось.

Несколько человек засмеялись.

Адриан даже не улыбнулся.

— Но текст от этого становится слабее.

Профессор Моро опёрлась бедром о край стола.

— Почему?

— Потому что автор не доверяет тому, что уже сделал.

Он перелистнул страницу.

— Вот здесь.

Палец остановился примерно там, где лежали мои тридцать семь конвертов.

— Эта сцена работает. Девушка пересчитывает письма, понимает, что их ровно тридцать семь, замечает зелёную ленту, складывает обратно и не открывает последнее. Всё. Мне достаточно.

— Вам, — сказала я.

Он посмотрел.

Я уже открыла рот, поэтому отступить было поздно.

— Простите?

— Вам достаточно. Другой читатель может понять иначе.

— Конечно.

— И это вас не беспокоит?

— Нет.

Ответ пришёл слишком быстро.

— Совсем?

— А должен?

Несколько голов повернулось ко мне.

Прекрасно.

Теперь я не просто слушала разбор собственного текста, а добровольно полезла под нож.

— Если читатель понимает сцену не так, как задумал автор, — сказала я, — иногда это означает, что автор плохо написал.

— Иногда.

— А иногда?

— Читатель неправ.

По аудитории прошёл тихий смех.

Адриан пожал плечом.

— Это тоже случается.

Я неожиданно улыбнулась.

Совсем немного.

— Тогда зачем убирать абзац?

— Потому что право читателя ошибиться интереснее, чем потребность автора всё контролировать.

Вот тут я перестала улыбаться.

— Вы сейчас довольно уверенно говорите о намерениях человека, которого не знаете.

— Я говорю о тексте.

— Нет. Вы только что сказали, что автору нужно всё контролировать.

— Это видно в тексте.

— Или вам так кажется.

Профессор Моро не вмешивалась.

Более того, судя по выражению лица, ей было хорошо.

Я начинала понимать, почему студенты обожают её семинары.

— Хорошо, — сказал Адриан. — Скажем иначе. Первые одиннадцать страниц позволяют читателю сделать работу самому. На двенадцатой автор приходит и проверяет, правильно ли он её сделал.

— Очень снисходительно к автору.

— Я не пытаюсь быть приятным.

— Заметно.

На этот раз засмеялись громче.

Адриан посмотрел на меня чуть внимательнее.

Не обиженно.

Скорее как будто разговор наконец перестал быть скучным.

— Есть ещё одна проблема, — сказал он.

Я подумала: конечно.

— Рассказ слишком безопасный.

— Что это значит?

— Всё важное происходит на правильном расстоянии. Бабушка умерла до начала. Письма адресованы человеку, которого нет. Героиня может уйти из дома, ничего не разрушив.

— И?

— Автор хорошо чувствует момент, когда становится опасно, и отступает.

Я не ответила.

Потому что это было ближе, чем мне хотелось.

Профессор Моро наконец вмешалась:

— А что вы предлагаете?

Адриан снова посмотрел в текст.

— Не знаю. Я не автор.

Спасибо хоть за это.

— Но хороший текст иногда должен оставлять место для читателя, который окажется неудобнее художника.

Я записала эту фразу на полях.

Не потому что согласилась.

Чтобы потом сформулировать, почему она меня раздражает.

Семинар продолжился.

К концу часа разговор ушёл в сторону того, должна ли героиня вообще открыть последний конверт. Я почти успокоилась.

Профессор Моро собрала свои бумаги.

— На следующую неделю два новых текста. И автор сегодняшнего, если хочет, может раскрыться сейчас либо сохранить анонимность.

Это был мой шанс промолчать.

Очень хороший шанс.

Я подняла руку.

— Мой.

Тишина продержалась ровно столько, чтобы я успела пожалеть.

Миа за моей спиной тихо произнесла:

— О господи.

Адриан посмотрел на меня.

Никакого удивления.

Это почему-то разозлило сильнее всего.

После пары я медленно складывала вещи. Обычно люди подходили к автору, говорили что-то хорошее, чтобы компенсировать предыдущий час.

Сегодня тоже.

Девушка возле окна сказала, что ей понравились письма.

Парень в красном свитере сообщил, что концовка «вообще-то нормальная».

Это была, видимо, его версия поддержки.

Я поблагодарила обоих.

Когда аудитория почти опустела, Адриан проходил мимо моего стола.

— Вы знали, что текст мой, — сказала я.

Он остановился.

— До того, как вы сказали?

— Да.

— Откуда?

Я ожидала какой-нибудь университетской сплетни.

Он кивнул на мою распечатку.

— Вы не делали заметок во время первых двух страниц.

— И?
— Потом начали.
— Очень убедительно.
— На сцене с письмами перестали.
Я нахмурилась.
— Вы следили, как я делаю заметки?
— Я сидел напротив.
— Это не ответ.
— Хорошо. Ещё вы задерживали дыхание каждый раз, когда кто-то критиковал конкретную фразу.
Я уставилась на него.
Он сказал это без флирта.
Без попытки впечатлить.
Просто перечислял признаки.
От этого стало неуютнее.
— Ужасная привычка, — сказала я.
— Какая?
— Наблюдать за людьми вместо текста.
— Одно другому не мешает.
Я застегнула сумку.
— Вы всегда такие уверенные?
— Кто?
— Люди, которые уже в двадцать три знают, как всем остальным надо заканчивать рассказы.
Он чуть улыбнулся.
— Нет. Обычно хуже.
Я встала.
— Кстати, рассказ хороший.
Я остановилась.
— Это попытка исправить впечатление?
— Нет.
— Тогда почему не сказали на семинаре?
— Сказал.
— Вы называли его безопасным.
— Хороший и безопасный не противоречат друг другу.
— Потрясающий комплимент.
— Вы правда хотите комплимент?
Я уже собиралась ответить резко.
Передумала.
— Нет.
— Тогда хорошо.
Он направился к двери.
Я окликнула:
— Восс.
Он обернулся.
— Если убрать последний абзац, что останется?
Он задумался. На этот раз по-настоящему.
— Вопрос.
— Какой?

— Писала она конкретному человеку или ей просто нужно было писать так, будто человек существует.

Именно тот вопрос, который я боялась оставить.

Это было неприятно.

— А если читатель выберет неправильный ответ?

Адриан взялся за ручку двери.

— Тогда у него будет собственный рассказ.

— Вы ужасно раздражающий человек.

Уголок его рта дёрнулся.

— Это уже не про текст.

— Наконец-то мы в чём-то согласны.

Он ушёл.

Я стояла ещё несколько секунд, после чего достала распечатку.

Последний абзац занимал чуть больше половины страницы.

Мой любимый.

Конечно.

В общежитии Миа лежала на животе и ела хлопья прямо из коробки.

— Ну?

— Что?

— Ты его убила?

— Кого?

— Восса.

— Почему я должна была?

— Ты последние двадцать минут семинара смотрела так, будто выбираешь способ.

Я бросила сумку на стул.

— Он сказал убрать концовку.

— Я слышала.

— И что рассказ безопасный.

— Тоже.

— Ты могла бы возмутиться из солидарности.

— Я соседка, а не профсоюз.

Я открыла ноутбук.

Миа приподнялась.

— Ты сейчас будешь менять?

— Нет.

Открыла файл.

— Конечно нет, — сказала она.

Я перечитала последние две страницы.

Одиннадцатая заканчивалась тем, что героиня держит в руках тридцать седьмой конверт и впервые замечает: на нём нет марки.

Двенадцатая объясняла, что бабушка никогда не собиралась отправлять письма.

Что адресат был выдуман.

Что иногда достаточно знать: слова могли бы дойти.

Я любила этот абзац.

Он был аккуратный.

Чёткий.

Закрывал всё, что я открыла.

Курсор мигал перед первой буквой.

— Если удалишь, я ему не скажу, — сказала Миа.
— Замолчи.
Я выделила абзац.
Нажала Delete.
На экране осталось пустое место.
Я перечитала предыдущую страницу.
Потом ещё раз.
Рассказ действительно стал лучше.
Хуже всего было не это.
Хуже всего было то, что Адриан Восс никогда об этом не узнает.

Глава 2. Люди, которых здесь знают

В пятницу Миа заставила меня пойти на открытие выставки.
Слово «заставила» означало, что она сорок минут ходила по комнате, спрашивала, чем именно я собираюсь заниматься вечером, и на каждый ответ говорила:
— Это можно сделать завтра.
К восьми я сдалась.
Выставку открывали в бывшей часовне Святого Иеронима — одном из университетских зданий, которые Святой Аврелий особенно любил показывать в рекламных буклетах.
Высокие своды.
Каменные колонны.
Старые витражи, пережившие несколько войн и реставраций.
Теперь под ними наливали дешёвое вино студентам художественного факультета.
— Не говори никому, что оно дешёвое, — предупредила Миа, взяв два бокала.
— Я его ещё не пробовала.
— Я пробовала в прошлом году.
— Ты была здесь в прошлом году?
— На открытии выпускной выставки.
— Ты учишься на литературе.
— Именно поэтому я могу ходить куда угодно без профессиональной ответственности.
Она передала мне бокал.
Я огляделась.
Через три недели после поступления я уже начала различать внутреннюю географию Святого Аврелия.
Люди здесь двигались не случайно.
Некоторые студенты подходили к профессорам без колебаний, как к старым знакомым. Некоторые ждали, пока их представят. Одни здоровались с кураторами через весь зал. Другие делали вид, что не замечают.
Невидимые границы становились особенно заметными на таких вечерах.
Миа толкнула меня локтем.
— Смотри.
У дальней стены стояли семеро.
Не вместе в буквальном смысле. Они разговаривали с разными людьми, перемещались, кто-то отходил за вином.
И всё же было понятно: одна компания.
Адриан я уже знала.
Рядом с ним — девушка в длинном чёрном платье, которую невозможно было не заметить. Тёмные волосы, яркая помада, выражение лица человека, которому редко приходилось повторять сказанное.

— Селеста Вернье, — сказала Миа.

— Поэт?

— Да.

— Конечно.

Селеста писала стихи. Её имя я видела на афишах университетских чтений.

Следующим был Ноа Леру — театральный факультет, режиссёр и драматург, с лицом человека, которого регулярно прощают до того, как он успевает извиниться.

Тео Марен стоял возле рояля с бокалом воды. Композитор.

Изабель Рей я узнала по камере.

Кассиан Блейк — философия, автор эссе и человек, которого, по словам Мии, запрещали приглашать на один студенческий подкаст после того, как он сорок минут спорил с ведущим о смысле слова «искренность».

Марк Сильван держался чуть в стороне.

Скульптор.

О нём Миа знала меньше всего.

— Это всё Общество? — спросила я.

— Да.

— И ты знаешь каждого?

— Я знаю имена. Это разные вещи.

Адриан повернул голову.

На несколько секунд наши взгляды встретились.

Я отвела первой.

— Он тебя увидел, — сказала Миа.

— Люди обычно видят то, что находится перед глазами.

— Не притворяйся скучной. Тебе не идёт.

Я допила вино.

Оно действительно было дешёвым.

Работы студентов занимали весь первый этаж и бывший алтарь.

Я начала с фотографий.

Потом ушла в боковую галерею, где выставляли живопись.

У одной картины задержалась.

Женщина сидела за столом после ужина.

Не позировала.

По крайней мере так казалось.

Тёмное платье, тарелка с разрезанными гранатами, два бокала. За окном — вечер.

Лицо почти не проработано.

Зато гранаты были написаны настолько тщательно, что хотелось протянуть руку и проверить, не липкий ли сок.

На табличке:

ADRIAN VOSS

After Supper

Разумеется.

Я отошла на шаг.

Попыталась решить, нравится мне картина или просто раздражает, что нравится.

— Вы долго смотрите на работу человека, которого не переносите.

Я не вздрогнула только из принципа.

Адриан стоял справа.

Без пиджака, в белой рубашке с закатанными рукавами.

— К счастью, картина не разговаривает.
— Иногда это преимущество.
— Ваше особенно.
Он улыбнулся.
— Что не так с гранатами?
Я посмотрела на картину.
— Почему с ними обязательно что-то не так?
— Вы уже минуту смотрите именно на них.
Опять.
Наблюдение.
— Они слишком красивые.
— Это проблема?
— На этой картине — да.
— Объясните.
— Всё остальное будто произошло случайно. Женщина устала. Стол не убран. Вино осталось. А гранаты написаны так, чтобы я обязательно смотрела именно туда.
— Художники иногда направляют внимание.
Я повернулась.
— Интересно.
— Что?
— На семинаре вы защищали право читателя смотреть куда угодно.
— Читателя.
— А зрителя надо вести за руку?
— В живописи иначе работает композиция.
— Удобно.
— Очень.
Я снова посмотрела.
— И почему два бокала?
— А что вы видите?
— Она кого-то ждёт.
— Нет.
— Тогда зачем спрашивать?
— Хотел узнать вашу версию.
Я вздохнула.
— Один бокал её. Второй того, кто должен прийти.
— Тот, кому принадлежал второй бокал, уже ушёл.
Картина изменилась.
Сразу.
Я посмотрела на женщину.
Раньше она ждала.
Теперь осталась.
— Нечестно, — сказала я.
— Что именно?
— Вы дали мне информацию, после которой невозможно увидеть первоначальную версию.
— Я ничего не заставлял.
— Но теперь знаю.
— Иногда знание портит интерпретацию.
— Или создаёт новую.

Он посмотрел на меня.
— Именно.
Мы помолчали.
Неудобства не было.
Это раздражало.
Я кивнула на картину:
— Хорошая.
— Спасибо.
— Гранаты всё равно манипуляция.
— Переживу.
Я собиралась уйти.
— Вы убрали абзац?
Остановилась.
— Какой?
— Последний.
Я посмотрела на него.
— Это вас беспокоило всю неделю?
— Нет.
— Тогда почему спрашиваете?
— Любопытно.
Я могла соврать.
Не стала.
— Убрала.
— Лучше?
— Да.
Он кивнул.
— Это было очевидно.
— Господи.
— Что?
— Вы могли хотя бы один раз позволить мне получить удовольствие от решения.
— Я рад, что стало лучше.
Прозвучало неожиданно нормально.
Я даже не сразу нашла, чем ответить.
— Спасибо.
К нам подошла Селеста.
Вблизи она оказалась ещё более эффектной. Не из-за лица даже — из-за спокойствия, с которым занимала пространство вокруг себя.
— Адриан, тебя ищет Рот.
— Зачем?
— Предполагаю, чтобы напомнить, что искусство существует ради администрации.
Он вздохнул.
— Простите.
— Идите. Я постараюсь не повредить картину.
— Не уверен.
Он ушёл.
Селеста посмотрела на меня.
— Лена?
— Да.
— Я читала твой рассказ.

В Святом Аврелии анонимность была удивительным социальным экспериментом.

— Похоже, его читали все.

— Нет. Это Святой Аврелий. Здесь секретом считается информация, которую знают меньше тридцати человек.

Я рассмеялась.

— Тебе понравилось? — спросила она.

— Я автор. Ты должна говорить да.

— Тогда нет.

Я посмотрела.

Она улыбнулась.

— Понравилось.

— Спасибо.

— Особенно без последнего абзаца.

Я закрыла глаза.

— Кто вам всем сказал?

— Адриан.

— Он сообщил всему университету, что я отредактировала рассказ?

— Нет. Я спросила, оказался ли он прав.

— И?

— Он сказал: «К сожалению».

Это было настолько похоже на него, что я засмеялась.

Селеста взяла бокал с подноса проходящего официанта.

— Ты собираешься подаваться куда-нибудь с текстом?

— Думаю на конкурс Святой Агнессы.

— Подавай.

— Насколько уверенно?

— Ты уже написала. Осталось нажать кнопку.

— Удивительно, сколько жизненных проблем решается этой логикой.

— Не всех. Но дедлайны — почти всегда.

Она посмотрела через зал.

У главной лестницы ректор поднялся на небольшую сцену.

Разговоры постепенно стихли.

— Сейчас будет обязательная культурная часть, — сказала Селеста. — Потом все продолжат пить.

Ректор говорил о новом учебном годе, талантливых студентах, выпускниках и университетских традициях.

Потом назвал Общество Аполлона.

Аплодисменты стали заметно громче.

— В этом году председателем Общества вновь станет Адриан Восс.

Миа, появившаяся рядом неизвестно откуда, тихо сказала:

— «Вновь». Как будто должность наследственная.

За нами кто-то прошептал:

— Воссам там всегда любили.

Я повернула голову.

Не успела понять, кто сказал.

Только запомнила множественное число.

Воссов.

Не Восса.

В понедельник профессор Моро начала лекцию фразой:
— Писатель почти всегда вор.
Несколько человек оторвались от ноутбуков.
— Хорошее начало, — прошептала Миа.
Профессор прошла между столами.
— Жесты. Интонации. Чужие истории. Ссоры родителей. Фразы друзей. Страхи бывших партнёров. Запах квартиры, в которой автор никогда не жил, но однажды был в гостях.
Я перестала писать.
— Обычно вопрос не в том, берёт ли художник из жизни. Берёт. Вопрос — что он делает с взятым.
На экране появилась цитата из эссе.
Я узнала раньше, чем прочитала имя.
Моё вступительное эссе.
Искусство превращает человека в материал, а затем нередко требует благодарности за предоставленное бессмертие.
Я медленно подняла голову.
Профессор Моро смотрела прямо на меня.
— Госпожа Хартманн. Вы всё ещё так думаете?
По аудитории прошёл шорох.
— В целом да.
— Даже если произведение великое?
— Великие произведения тоже создают люди.
— Это не ответ.
— Тогда зависит от того, кого спрашивают, хочет ли он быть бессмертным.
Кто-то тихо хмыкнул.
Профессор улыбнулась.
— Представим: роман использует частную историю человека без разрешения. Роман оказывается великим. Это меняет оценку поступка?
Я подумала.
— Произведения — да.
— А поступка?
— Не обязательно.
Она кивнула.
— Хорошо.
Не «правильно».
Именно хорошо.
Лекция продолжилась.
Я записывала, но часть внимания всё время возвращалась к вопросу:
зачем профессор достала именно моё эссе?
В группе было больше двадцати человек.
У половины сильнее академическая подготовка.
У многих громче фамилии.
А она помнила мою формулировку.
Это было приятно.
Я позволила себе признать это.
Совсем ненадолго.

Глава 3. То, что замечают

Чёрный конверт появился во вторник.

До него оставалось два дня.

Утром я об этом, конечно, не знала.

Я сидела в библиотеке и пыталась найти фотографию.

Несколько недель назад в книге об университетских обществах я увидела старый снимок: восемь человек возле главного корпуса, под ним подпись про ранний период Общества Аполлона.

Тогда число меня не заинтересовало.

Теперь — да.

Семь участников.

Семь искусств.

Семь мест в ежегодной программе.

Почему на фотографии восемь человек?

Книга лежала на том же месте.

Страница — тоже.

Фотографии не было.

На бумаге остался тонкий прямоугольник более светлого цвета.

Я проверила соседние страницы.

Ничего.

Подошла к библиотекарю.

— Простите, из книг иногда забирают вложенные фотографии?

Женщина подняла глаза.

— Если это архивная копия, фотография могла быть на временном хранении.

— Где это можно проверить?

Она посмотрела название книги.

— Общество Аполлона?

— Да.

— Их архив частный.

— Университетский?

— Формально университетский. Доступ по разрешению Общества.

— Удобно.

Она не отреагировала.

— Можно узнать хотя бы номер фотографии?

— Оставьте запрос.

Я записала данные.

Вернулась к столу.

На листе рядом с конспектом написала:

Почему восемь?

Через час у меня была лекция Беатрис Моро.

Я сунула лист в папку и пошла.

После лекции профессор попросила меня задержаться.

Миа у двери выразительно посмотрела.

Я сделала вид, что не понимаю.

Когда аудитория опустела, Беатрис собрала маркеры.

— Вы подали рассказ на Святую Агнессу?

— Вчера.

— Хорошо.

— Селеста сказала то же самое.

— Селеста часто бывает права в практических вещах.

— А в остальных?

— Никогда не говорите поэтам, что я так сказала.

Я улыбнулась.

Профессор закрыла ноутбук.

— Я хотела спросить про ваше вступительное эссе.

— Опять?

— Вас беспокоит?

— Пока нет.

— Почему вы выбрали эту тему?

Я знала официальный ответ.

Потому что мне интересны этика автофикшена и границы авторского присвоения.

И уже собиралась сказать именно это.

Но профессор ждала.

Не торопила.

— Потому что меня раздражает, когда писатель говорит: «Это всего лишь литература», после того как человек узнаёт себя.

— Был конкретный случай?

— Нет.

Почти правда.

Я читала слишком много интервью писателей, которые превращали реальные отношения в книги, а потом удивлялись, что у второй стороны сохранились чувства по этому поводу.

— Тогда почему настолько личный тон?

— Я хочу писать.

— Это я знаю.

— И пытаюсь понять, что мне можно.

— Нашли?

— Нет.

— Хорошо.

Опять это слово.

— Почему хорошо?

— Люди, которые слишком рано находят окончательный ответ на этический вопрос, обычно просто перестают замечать исключения.

Она села на край стола.

— Зачем вы приехали в Святой Аврелий?

Вопрос был неожиданным.

— Учиться.

— Для этого есть университеты дешевле.

— У меня стипендия.

— Я знаю.

Я посмотрела внимательнее.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Хочу услышать ваш ответ.

Сегодня все решили использовать этот приём.

— Проверить, достаточно ли я хороша.

Сказала и сразу пожалела.

Слишком честно.

Беатрис, к счастью, не стала превращать это в терапию.

— И как идёт проверка?

— Неоднозначно.

— Значит, университет работает.
Я рассмеялась.
Она посмотрела на мою папку.
Из неё торчал лист с надписью:
Почему восемь?
— Можно?
Я хотела убрать.
Поздно.
Беатрис вытащила лист.
Прочитала.
— Что это?
— Ничего важного.
Она подняла бровь.
— Вы написали вопрос крупными буквами посреди листа.
— Нашла старую фотографию Общества.
— Где?
— В библиотечной книге.
— Какую?
— Начало двадцатого века. Кажется, 1901. Там восемь человек.
На секунду её лицо изменилось.
Совсем немного.
Если бы я не смотрела прямо, не заметила бы.
— И?
— Сейчас участников семь.
— В разные годы структура менялась.
— Кто восьмой?
— Не знаю.
Ответ прозвучал слишком быстро.
— Правда?
— Госпожа Хартманн.
— Просто спрашиваю.
Она положила лист обратно.
Открыла папку, которую собиралась убрать в сумку.
Из неё выскользнула фотография.
Упала на пол лицом вверх.
Я узнала сразу.
Те же ступени.
Те же восемь человек.
Профессор подняла её раньше меня.
Пауза продлилась меньше секунды.
Но достаточно.
— Это она.
Беатрис посмотрела на снимок.
Потом на меня.
— Похоже.
— Откуда у вас?
— Архивные материалы к лекции.
— А фотография из книги исчезла.
— Вы считаете, это та же самая?

— Да.

— Вы её копировали?

— Нет.

Профессор убрала снимок в папку.

— Лена, иногда закрытая дверь означает именно закрытую дверь, а не приглашение искать другой вход.

Я посмотрела.

— Вы плохо меня знаете.

— Боюсь, наоборот.

Вот это уже было странно.

— Что вы имеете в виду?

— Только то, что любопытство — одно из ваших более заметных качеств.

Она надела пальто.

Разговор закончился.

По крайней мере для неё.

— До четверга.

— До четверга.

В коридоре я достала телефон и записала:

фото у Беатрис

Потом добавила:

она знала про 8

Через секунду стёрла вторую строку.

Не знала.

Отреагировала.

Это не одно и то же.

Адриан наверняка бы одобрил такую осторожность.

Раздражающая мысль.

Вечером я искала Общество в университетской базе.

Официальных сведений оказалось мало.

Основано в 1897 году профессором эстетики Люсьеном Дарси.

Ежегодно семь студентов старших курсов работали в разных дисциплинах.

Приём закрытый.

Состав утверждался советом.

Среди выпускников Общества было слишком много известных людей для группы из семи человек в год.

Художники.

Композиторы.

Режиссёры.

Писатели.

Чем дальше я листала, тем сильнее чувствовала статистическую несправедливость.

Если попасть туда действительно означало получить доступ к этим знакомствам, архивам и наставникам, неудивительно, что люди хотели.

Я открыла список последних участников.

Адриан Восс встречался чаще остальных.

Не его имя лично.

Фамилия.

В 1980-х — ещё один Восс.

В 1950-х — другой.

Вот откуда:

Воссов там всегда любили.

— Вы всё-таки хотите туда попасть.

Я дёрнулась.

Адриан стоял за соседним стеллажом с книгой в руке.

— Вы специально подкрадываетесь?

— Вы сидите посреди библиотеки.

Я закрыла вкладку.

Поздно.

— И нет.

— Что нет?

— Не хочу в Общество.

Он посмотрел на экран.

Потом на меня.

Ничего не сказал.

Это было хуже.

— Не смотрите так.

— Как?

— Будто знаете, что я вру.

— Я не знаю.

— Тогда отлично.

— Но думаю.

— И почему?

Он поставил книгу на стол.

— Потому что вы три дня изучаете архив группы, в которую не хотите попасть.

— Мне интересна история.

— Конечно.

— Это преступление?

— Нет.

— Тогда?

— Ничего.

Я вздохнула.

— Вы специально раздражаете людей?

— Иногда экономит время.

— Потрясающая стратегия общения.

Он кивнул на открытую страницу.

— Нашли что-нибудь?

— Восемь человек на фотографии.

Пауза.

Он знал.

Я поняла по тому, что не спросил, какой фотографии.

— Кто восьмой?

— Не знаю.

Тот же ответ, что у Беатрис.

— Вы все репетировали?

— Что?

— Ничего.

Он взял свою книгу.

Я заметила название.

История европейских художественных объединений.

— Очень случайное чтение.

— У меня работа.

— По Обществу?

— Нет.

Я ему не поверила.

Наверное, это было взаимно.

Адриан собирался уйти.

Я спросила:

— А вы хотели туда попасть?

Он остановился.

— В Общество?

— Да.

— Когда поступал — да.

— А сейчас?

— Сейчас я уже внутри.

— Это не ответ.

— Вы слишком быстро учитесь.

Я улыбнулась.

— Значит, не так сильно?

Он посмотрел на меня чуть дольше.

— Люди часто хотят попасть туда, пока не узнают, зачем их пригласили.

Я нахмурилась.

— Что это значит?

— Ровно то, что сказал.

— Очень полезно.

Он сделал шаг к выходу.

— Восс.

— Да?

— Вы знали про мой рассказ на Святую Агнессу?

— Да.

— Откуда?

— Профессор Моро.

— Она обсуждает мои конкурсы с вами?

— Я был рядом, когда она сказала коллеге, что убедила одну студентку подать текст.

— Вы решили, что это я.

— Она сказала «история с письмами».

— А.

Действительно.

— Хороший рассказ, — добавил он.

— Мы уже проходили.

— Мнение не изменилось.

— Даже после удаления вашей любимой проблемы?

— Особенно.

Он ушёл.

Я открыла ноутбук.

На экране всё ещё был сайт Общества.

Закрыла.

Через минуту снова открыла.

Чёрный конверт лежал на моей кровати вечером.

Миа сидела рядом с видом человека, который последние десять минут проявляет нечеловеческую силу воли.

— Ты его не открыла?

— Он твой.

— Ты иногда поражаешь.

— Я светский человек.

Конверт был плотный.

Чёрный.

Без марки.

На лицевой стороне только:

LENA HARTMANN

Тиснение.

На обратной стороне — серебряная лавровая ветвь.

Я провела пальцем.

— Это что, от них? — спросила Миа.

— Похоже.

— Открывай.

Я аккуратно надорвала край.

Внутри — карточка.

Госпожа Лена Хартманн приглашается присутствовать на осеннем собрании Общества Аполлона в пятницу, одиннадцатого октября, в двадцать один час.

Ниже:

Северное крыло. Зал 17.

Формальная одежда.

Приглашение является личным. Просим не обсуждать его содержание до завершения собрания.

Я прочитала дважды.

— Ну? — Миа почти подпрыгивала.

Я передала.

Она прочла.

Посмотрела на меня.

— Тебя пригласили.

— Я вижу.

— В Общество.

— На собрание.

— Лена.

— Что?

— Ты улыбаешься.

Я сразу перестала.

— Нет.

— Улыбалась.

Я забрала карточку.

Да.

Улыбалась.

Потому что из всех возможных реакций первой пришла самая простая: меня заметили.

И только потом я вспомнила слова Адриана.

Люди хотят попасть туда, пока не узнают, зачем их пригласили.

Глава 4. Чёрный конверт

До пятницы я никому не рассказывала.

Кроме Мии.

Это технически уже было нарушением, но объяснить ей происхождение чёрного конверта на моей кровати без обсуждения его содержания было бы сложнее.

Миа восприняла секрет очень серьёзно.

То есть не сказала никому, зато спрашивала о нём примерно каждые четыре часа.

— А если это собеседование?

— Не знаю.

— Посвящение?

— Не знаю.

— Вас заставят пить кровь?

— Тогда не пойду.

— Из-за крови?

— Из-за антисанитарии.

Она задумалась.

— Разумно.

В четверг вечером я встретила Селесту возле столовой.

Она посмотрела на меня.

Просто посмотрела.

Потом на мою сумку.

— Получила?

Я не сразу ответила.

— Что?

— Хорошо.

— Что хорошо?

Она улыбнулась.

— Значит, получила.

— Вы все умеете читать лица?

— Нет. Ты последние два дня ходишь так, будто тебе дали секрет и запретили испытывать удовольствие.

Я вздохнула.

— Я не могу обсуждать.

— Я и не прошу.

Она отступила к двери.

Потом всё-таки сказала:

— Один совет.

— Какой?

— Что бы тебе ни сказали завтра, не отвечай сразу.

У меня внутри что-то неприятно сдвинулось.

— Почему?

— Потому что людям нравится, когда решение выглядит неизбежным.

— Это предупреждение?

— Скорее привычка.

— Чья?

Селеста уже открывала дверь.

— Общества.

И ушла.

В пятницу я потратила на одежду больше времени, чем на подготовку к двум семинарам.

В итоге выбрала платье, которое уже привозила с собой из дома: тёмно-синее, почти чёрное, без открытой спины, блёсток и какой-либо попытки выглядеть так, будто я специально оделась для тайного общества.

Миа сидела на кровати.

— Хорошо.

— Это значит?

— Выглядишь как человек, который может унаследовать старое поместье и обнаружить там семейное проклятие.

— У тебя очень конкретная шкала.

— Положительная.

Я надела серьги.

— Я думаю, там просто будут говорить о вступлении.

— А ты согласишься?

Я посмотрела в зеркало.

— Не знаю.

— Врёшь.

— Я правда не знаю.

Хотелось.

Конечно хотелось.

Я приехала в один из лучших университетов Европы не для того, чтобы упорно избегать всех возможностей, которые делали его одним из лучших.

Но Селеста сказала:

не отвечай сразу.

Адриан:

пока не узнают, зачем пригласили.

Это начинало утомлять.

— Напиши, когда выйдешь, — сказала Миа.

— Если не выйду?

— Заберу твои книги.

— Вот теперь я мотивирована.

Северное крыло после девяти почти пустовало.

Я нашла зал 17 в самом конце коридора.

Дверь была закрыта.

Без таблички.

Я проверила время.

20:58.

Постучала.

Дверь открыл Адриан.

На нём был чёрный костюм.

Без галстука.

Серебряное кольцо на месте.

— Вы всё-таки пришли.

— Я получила приглашение.

— Это не всегда означает, что человек приходит.

— Тогда зачем приглашать?

— Чтобы дать выбор.
Я подумала о словах Селесты.
— Очень демократично.
Адриан чуть улыбнулся.
Потом отступил.
— Входите, Лена.
Первый раз он назвал меня по имени.
Я отметила.
Не прокомментировала.
За дверью оказался небольшой проход и ещё одна комната.
Там стоял овальный стол.
Семь мест.
Перед каждым — папка.
CELESTE VERNIER
THEO MAREN
ISABELLE REY
NOAH LEROUX
MARC SILVAN
CASSIAN BLAKE
ADRIAN VOSS
Моего имени не было.
Я остановилась.
Селеста сидела возле окна.
Увидела меня.
Выражение лица не изменилось.
Но взгляд задержался чуть дольше обычного.
— Привет.
— Привет.
Тео улыбнулся.
Ноа тоже.
Кассиан просто кивнул.
Изабель смотрела так, будто уже выбирала фокусное расстояние.
Марк сказал:
— Добрый вечер.
Адриан прошёл дальше.
— Сюда.
У стены стояло ещё одно кресло.
Старше остальных.
Высокая деревянная спинка, тёмная кожа, потёртый правый подлокотник.
Отдельно.
Я посмотрела на стол.
Потом на кресло.
— Почему оно не там?
Адриан понял вопрос.
— Пока таковы правила.
Очень странный ответ.
Я села.
На столе перед семью участниками лежали бумага и ручки.
Передо мной ничего.

Дверь открылась.

Вошла профессор Моро.

Следом — мужчина лет пятидесяти пяти, которого я видела на официальных мероприятиях.

Профессор Оуэн Рот, руководитель художественного направления.

— Добрый вечер, — сказала Беатрис.

Адриан закрыл дверь.

В комнате стало тихо.

Не театрально.

Скорее все просто знали порядок происходящего, кроме меня.

И это очень быстро перестало нравиться.

Беатрис встала у короткого края стола.

— Лена, вы знаете официальную функцию Общества?

— Семь участников разных художественных направлений. Совместная годовая программа и финальный конкурс.

— В общих чертах верно.

— Тогда почему я здесь?

Прямо.

Лучше сразу.

Рот посмотрел на Беатрис.

Она ответила:

— Каждый год работы Общества объединяет общий источник.

Я ждала.

— Тема?

— В некотором смысле.

Беатрис подошла ближе к столу.

— На протяжении большей части истории Общества этим источником является человек.

Мне потребовалась секунда.

— Человек.

— Да.

— Модель?

Изабель слегка усмехнулась.

Беатрис покачала головой.

— Не только.

— Тогда кто?

Адриан стоял у окна.

Не смотрел на меня.

Вот это я заметила сразу.

— Общество использует историческое название, — сказала Беатрис. — Муза.

Я посмотрела на семь человек.

Потом на своё кресло.

Нет.

Это было уже слишком очевидно.

— Вы пригласили меня посмотреть выбор?

Никто не ответил сразу.

Беатрис сказала:

— Выбор уже сделан.

В комнате стало слишком тепло.

— Кого?

Селеста опустила взгляд.
Тео перестал улыбаться.
Кассиан, наоборот, смотрел прямо.
И я поняла раньше ответа.

— Меня?

— Да.

Слова прозвучали совершенно буднично.

Это было хуже любой церемониальности.

— Муза Общества выбирается на один учебный год, — продолжила Беатрис. — Все семь участников создают самостоятельные произведения, так или иначе исходящие из взаимодействия с выбранным человеком.

— Со мной.

— Если вы согласитесь.

Вот наконец выбор.

Только не тот, который я представляла, когда открывала конверт.

— И что именно я должна делать?

— Участвовать во встречах. Разговорах. Индивидуальных рабочих сессиях. Формат зависит от автора.

— Позировать?

— Если согласитесь на конкретный запрос.

— Фотографии?

— То же самое.

Я посмотрела на Изабель.

Она не отвела глаз.

— Личные истории?

На этот раз ответил Кассиан:

— Это сложнее.

— Конечно.

— Существуют правила использования личной информации.

— Какие?

— Мы дадим полный текст.

— После того как я соглашусь?

Беатрис сказала:

— До.

Хоть что-то.

Я посмотрела на семь папок.

Свой отдельный стул.

Пустое место перед собой.

Внутри всё ещё сохранялось маленькое, довольно глупое ожидание, что сейчас откроется вторая часть.

Что Муза тоже делает что-то.

Что это обмен.

Я спросила:

— А я?

Беатрис нахмурилась.

— В каком смысле?

— Что должна создать я?

Тишина оказалась ответом раньше слов.

— Муза не участвует в конкурсе, — сказала Беатрис.

Я посмотрела на неё.
— Совсем?
— Да.
— То есть семь человек будут делать произведения обо мне, а моя работа здесь не предусмотрена.
— Роль Музы другая.
— Какая?
Рот вмешался:
— Создать точку пересечения семи художественных практик.
Красиво.
Очень.
И совершенно ничего не значит, если ты сидишь с той стороны, где нет бумаги.
Я посмотрела на Адриана.
Теперь он смотрел.
Не победно.
Не любопытно.
Скорее настороженно.
Будто ждал именно этой реакции.
И вдруг я поняла кое-что ещё.
Он знал.
В библиотеке.
Когда говорил, что люди не всегда понимают, зачем их приглашают.
Он уже знал.
Я сидела в отдельном кресле у стены, пока семь человек занимали свои места за столом.
Перед ними лежали папки.
Ручки.
Бумага.
У меня не было ничего.
И впервые за вечер именно эта мелочь показалась важнее всех красивых слов о традиции.

Глава 5. Семь мест

Первой мыслью было, что я неправильно услышала.
Второй — что в Святом Аврелии существует какой-то особенно изощрённый способ издаваться над первокурсниками.
Третьей — что мне нужно встать.
Я не встала.
— Какие именно произведения? — спросила я.
Беатрис, кажется, ожидала другого вопроса.
— Любые, соответствующие практике участника. Живопись, поэзия, фотография, музыка, театр, скульптура, эссе.
— Обо мне?
— Вдохновлённые взаимодействием с вами.
Кассиан чуть повернул голову, будто формулировка его тоже не устраивала, но спорить не стал.
— Очень удобное слово, — сказала я. — «Взаимодействие».
Рот сложил руки на столе.
— Мы не предполагаем, что каждое произведение будет буквальным портретом.
— Это должно успокаивать?
— Это должно прояснять.

Я посмотрела на Изабель.

— Если вы фотографируете меня, я могу отказаться от конкретного снимка?

Она ответила сама:

— От съёмки — да.

— А после?

— Зависит от договорённости.

— В правилах это написано?

Кассиан открыл одну из папок.

— Есть раздел о частной информации, изображениях и согласии на отдельные формы работы.

— Можно?

Он посмотрел на Адриана.

Тот кивнул.

Кассиан передал папку.

На первой странице стояло:

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ МУЗЫ

Уже от названия хотелось спорить.

Я начала читать.

Муза имела право отказаться от конкретной сессии без объяснения причин.

Хорошо.

Право потребовать не публиковать личную информацию, не относящуюся непосредственно к художественной концепции.

Хуже.

Кто решает, относится или нет?

Ниже нашёлся ответ.

При разногласии решение принимается автором совместно с куратором.

Я подняла глаза.

— То есть не мной.

Рот сказал:

— У вас есть право возражения.

— Это не то же самое, что право решения.

— Не всегда возможно передать окончательное решение объекту произведения.

Кассиан тихо поправил:

— Участнику.

Рот посмотрел на него.

— Хорошо. Участнику процесса.

Я запомнила это небольшое исправление.

— А если человек не хочет, чтобы работа вообще существовала?

Теперь ответил Адриан:

— Может отказаться участвовать в создании.

— Но если художник уже что-то увидел?

Никто не сказал сразу.

Вот и ответ.

Селеста первой нарушила тишину:

— Лена, если я после разговора с тобой напишу стихотворение, ты физически не сможешь заставить меня забыть разговор.

— Я понимаю.

— Но можешь сказать, что конкретная история была личной и ты не хочешь её публичного использования.

— А ты обязана послушать?

Селеста не стала делать вид.

— Формально — не всегда.

Мне понравилось, что она не пряталась за красивой формулировкой.

— Потрясающая система.

— Не говорила, что она идеальная.

Рот заметно устал от направления разговора.

— Никто не собирается лишать вас частной жизни. Большинство лет проходит без серьёзных конфликтов.

— «Большинство» звучит обнадеживающе.

Тео покрутил ручку между пальцами.

— Обычно всё гораздо менее драматично, чем кажется сейчас.

— Это тоже должно успокаивать?

Он улыбнулся.

— Я попытался.

Получилось.

Совсем немного.

Я продолжила читать.

Обязательные еженедельные собрания.

Индивидуальные сессии по согласованному графику.

Присутствие на промежуточных просмотрах.

Финальная презентация.

Право отказаться от физического контакта, переодевания, записи личных разговоров без предупреждения.

На секунду я представила, сколько лет понадобилось, чтобы некоторые из этих пунктов вообще появились.

— Сколько Муз было до меня?

Беатрис ответила:

— Сто двадцать восемь.

— И многие отказывались?

— После выбора?

— Да.

Она подумала.

— Несколько.

— Сколько?

— Я не помню точное число.

— Меньше десяти?

— Думаю, да.

Очень мало.

Слишком мало для решения, которое считалось совершенно свободным.

Я закрыла папку.

— Почему я?

Наконец.

Вот вопрос, который сидел внутри с момента конверта.

Рот посмотрел на семерых.

Беатрис ответила:

— Кандидатов обсуждают участники. После этого проводится голосование.

— И все проголосовали за меня?

Короткая пауза.

Беатрис сказала:

— Шесть из семи.

Я машинально пересчитала лица.

Селеста.

Тео.

Изабель.

Ноа.

Марк.

Кассиан.

Адриан.

Не надо было долго думать.

Он единственный не смотрел так, будто услышал новую информацию.

— Вы, — сказала я.

Адриан не стал притворяться.

— Да.

— Голосовали против.

— Да.

Тео перестал вертеть ручку.

Селеста опустила взгляд на стол.

Почему-то это оказалось унижительнее, чем если бы все семеро меня выбрали.

Я посмотрела на Адриана.

— Почему?

— Я не считал это хорошей идеей.

— Очень конкретно.

— Другого ответа сегодня не дам.

— Почему сегодня?

— Потому что сейчас это повлияет на ваше решение.

Я рассмеялась.

— А голос против не влияет?

— Уже повлиял.

— Удобно.

Он не ответил.

Я встала.

На секунду показалось, что комната выдохнула.

— Мне нужно подумать.

Беатрис кивнула.

— Конечно.

— До когда?

— Воскресенье вечером.

Вот.

Можно уйти.

Три дня.

Я посмотрела на кресло.

Потом на семь папок.

На людей, которые уже решили, что хотят провести год, превращая меня во что-то своё.

И на единственного человека, который этого не хотел.

Именно он всё испортил.

Потому что теперь отказ означал не просто:

я не хочу.

Где-то внутри к нему немедленно прилипло другое:
он был прав.
Это было глупо.
Я понимала.
От этого не стало легче.
— Я согласна.
Беатрис нахмурилась.
— Лена, вы можете взять время.
— Я знаю.
Селеста посмотрела на меня предупреждающе.
Я вспомнила её совет.
Не отвечай сразу.
Уже поздно.
— Уверены? — спросила Беатрис.
Нет.
— Да.
Адриан оттолкнулся от окна.
— Не надо принимать решение из-за меня.
Вот теперь я окончательно разозлилась.
— Я не принимаю решения из-за вас.
— Хорошо.
— И перестаньте говорить «хорошо».
Ноа тихо кашлянул, пряча улыбку.
Беатрис дала нам ещё несколько секунд.
Потом сказала:
— Тогда проведём официальную часть.
Церемония оказалась гораздо проще, чем предполагал чёрный конверт.
Никаких свечей.
Никакой латыни.
Рот прочёл несколько строк об истории Общества.
Адриан встал во главе стола.
Говорил без бумаги.
— Каждый год Общество выбирает человека, вокруг которого семь отдельных практик должны встретиться в одной точке.
Я слушала внимательнее, чем хотела.
— Муза не обязана быть удобной. Не обязана нравиться участникам. Не обязана соответствовать тому, что будет создано.
На последней фразе он посмотрел на меня.
— Единственное обязательство Музы — оставаться собой настолько, насколько это возможно, когда семь человек будут пытаться понять, что это значит.
Красиво.
И совершенно не решало проблему отдельного кресла.
Беатрис подошла ко мне.
В руках — тонкая металлическая ветвь лавра.
Не брошь в обычном смысле. Скорее маленькая булавка.
— Разрешите?
Я кивнула.
Она прикрепила ветвь к платью.
Металл оказался холодным.

— Лена Хартманн, Муза сто двадцать девятого года Общества Аполлона.
Все семеро встали.
На секунду это всё-таки произвело впечатление.
Я позволила себе.
Потом церемония закончилась.
Люди снова стали людьми.
Тео первым подошёл.
— Поздравляю.
— С чем именно?
— Пока не знаю. В этом часть очарования.
— Ужасный рекламный слоган.
— Я композитор. Маркетинг не мой факультет.
Ноа пожал руку.
Изабель спросила:
— В понедельник утром свободна?
— Уже начинаем?
— Ты согласилась семь минут назад.
— Очень бережно.
Она улыбнулась.
— Напишу.
Селеста дождалась, когда остальные отойдут.
— Я же сказала не отвечать сразу.
— Знаю.
— Тогда почему?
Я посмотрела туда, где Адриан разговаривал с Ротом.
— Не знаю.
Селеста проследила взгляд.
Поняла слишком быстро.
— О нет.
— Не начинай.
— Я ничего не сказала.
— И не надо.
Она улыбнулась.
— Ладно.
Я взяла пальто.
У двери меня догнал Адриан.
— Лена.
Обернулась.
— Что?
Он посмотрел на лавровую ветвь.
— Вам действительно идёт.
После предыдущего часа это был абсурдный комментарий.
— Спасибо.
— Но я хотел сказать другое.
— Конечно.
Он открыл передо мной дверь в коридор.
— Это место умеет делать из внимания наркотик.
Я остановилась.
— Вы решили продолжить вечер предупреждениями?

— Да.

— Почему?

Адриан опёрся плечом о дверной косяк.

— Потому что люди здесь очень быстро начинают думать: если они что-то заметили, значит, это им принадлежит.

— Вы тоже?

Он ответил не сразу.

— Иногда.

Вот это было честнее всего, что он сказал за вечер.

— И вы поэтому голосовали против?

— Не сегодня.

Я фыркнула.

— Очень драматично.

— Не пытаюсь.

— Плохо получается.

Я пошла по коридору.

Через несколько шагов он сказал:

— Лена.

Я обернулась.

— Что ещё?

Он кивнул на булавку.

— Правда идёт.

— Вы повторяетесь.

— Хотел убедиться, что хотя бы один комплимент сегодня принят.

Я невольно улыбнулась.

Чёрт.

Миа ждала меня не в комнате.

В коридоре.

В пижаме.

С телефоном.

— Ты жива.

— Разочарована?

— Немного. Что было?

Я сняла пальто.

Она увидела серебряную ветвь.

— О.

— Да.

— Тебя приняли?

— Не совсем.

Через десять минут мы сидели на полу между кроватями.

Я рассказала.

Почти всё.

Про семь работ.

Отдельное кресло.

Голосование.

Адриана.

— Он голосовал против тебя?

— Да.

— Ненавижу его.
— Почему?
— Потому что теперь тебе будет интереснее.
Я посмотрела.
— Что?
— Если бы все проголосовали за, ты бы неделю была довольна. А теперь будешь пытаться понять, почему именно он не захотел.
Мне не понравилось, насколько это похоже на правду.
— Я не собираюсь.
— Конечно.
Миа потрогала лавровую ветвь.
— Ты рада?
Я хотела сказать да.
Потом нет.
В итоге:
— Пока да.
Она кивнула.
Не стала разбирать слово.
За что я была благодарна.
Потому что ночью именно оно не давало мне уснуть.
Пока.

Глава 6. Не автор

К девяти утра субботы о выборе знали почти все.
Я обнаружила это в столовой, когда девушка с факультета истории искусств, с которой мы один раз сидели рядом на лекции, поздравила меня возле кофемашины.
— С чем?
Она растерялась.
— С Аполлоном.
Я посмотрела на неё.
— Откуда ты знаешь?
— Не знаю. Все знают.
Отлично.
Через пять минут поздравил ещё кто-то.
Потом пришло сообщение от студента, чьё имя я помнила смутно:
Слышал про Музу. Это очень круто.
Я не отвечала.
Миа пришла с подносом и села напротив.
— Ты выглядишь так, будто университет нарушил соглашение о неразглашении.
— В приглашении было написано не обсуждать до завершения собрания.
— Собрание завершилось.
— За десять часов информация прошла через весь кампус.
— Я же говорила, здесь секреты живут недолго.
— Кто рассказал?
— Ты хочешь настоящее расследование?
— Нет.
— Тогда неважно.
Она была права.
Это раздражало.

На лекции мне передали записку.

Настоящую бумажную.

Откуда-то сзади.

КАКОВО БЫТЬ МУЗОЙ?

Я посмотрела через плечо.

Три человека сделали чрезвычайно невинные лица.

Написала:

Удивительно похоже на попытку слушать лекцию.

Отправила назад.

Через минуту кто-то фыркнул.

Беатрис остановилась посреди предложения.

— Если обмен мнениями интереснее немецкого романтизма, я готова дать аудитории слово.

Тишина.

— Нет?

Продолжила лекцию.

После занятия я дождалась, когда остальные выйдут.

— Все знают.

Беатрис складывала бумаги.

— Да.

— Это нормально?

— Сам факт выбора после церемонии не является закрытым.

— Мне никто не сказал.

Она посмотрела.

— В правилах есть.

— На странице двенадцать мелким шрифтом?

— На восьмой.

Я вздохнула.

— Это не делает лучше.

— Согласна.

— Тогда зачем так?

— Традиция долго существовала в среде, где предполагалось, что Муза получает от личности скорее преимущество.

— А если не хочет?

— Тогда система начинает работать хуже.

Снова странный ответ.

Не защита.

— Вы сами считаете правила плохими?

Беатрис села.

— Некоторые.

— Но вы куратор.

— Да.

— Можно изменить.

— Не всё, что можно изменить в теории, меняется одним человеком на практике.

— Удобная позиция для человека внутри системы.

Она улыбнулась без удовольствия.

— Очень.

Я не ожидала, что она согласится.

— Тогда зачем вообще продолжаете?

— Потому что иногда систему лучше менять, оставаясь внутри, чем оставлять людям, которых всё устраивает.

Фраза прозвучала слишком осознанно.

Позже я бы вспомнила её иначе.

Сейчас просто записала мысленно.

— Я согласилась добровольно, — сказала я.

— Да.

— Но половины последствий не знала.

— Тоже да.

— Это считается нормальным согласием?

Беатрис задумалась.

— Любая система начинается с момента, когда человек говорит «да». Проблемы начинаются позже, когда выясняется, что часть условий была видна только тем, кто уже внутри.

— Очень обнадеживающе.

— Я не пытаюсь вас успокоить.

Это я уже поняла.

В тот же день пришёл официальный график.

Понедельник — Тео Марен

Среда — Изабель Рей

Пятница — Кассиан Блейк

Вторник — Ноа Леру

Четверг — Селеста Вернье

Марк Сильван — по согласованию

Напротив Адриана было пусто.

Ни времени.

Ни места.

Ни комментария.

В приложении лежали правила.

На этот раз я прочитала всё.

Трижды.

Муза обязана присутствовать на еженедельных собраниях.

Без права голоса.

Вот этот пункт я обвела.

Публичное использование личной информации допускалось при оценке художественной необходимости автором и куратором.

Обвела второй.

Право предварительного просмотра предоставлялось по договорённости с конкретным участником, но не являлось обязательным.

Третий.

Границы существовали.

Просто проектировали их люди, находившиеся по другую сторону.

В воскресенье я снова пошла в библиотеку.

Не потому что искала заговор.

Хотя формулировка Мии звучала бы именно так.

Мне нужна была фотография.

Та самая.

Её в книге по-прежнему не было.

Я листала страницы вокруг пустого места и заметила на внутренней стороне задней обложки слабые карандашные знаки.

Не библиотечный шифр.

Чьи-то инициалы.

Е.А. 1901

Ниже:

VIII

Я провела пальцем по бумаге.

Восемь.

Снова.

— Вы всё-таки не умеете останавливаться.

Я даже не вздрогнула на этот раз.

Адриан стоял в конце прохода.

— Начинаю привыкать к вашим внезапным появлениям.

— Плохой знак.

Я показала ему обложку.

— Это что-нибудь говорит?

Он подошёл.

Посмотрел.

Слишком внимательно для человека, которому ничего не говорит.

— Нет.

— Вы врётё хуже, чем думаете.

— Почему сразу вру?

— У вас лицо изменилось.

Он усмехнулся.

— Теперь и вы?

— Учусь.

Он снова посмотрел на инициалы.

— Имя встречалось в старых материалах.

— Какое?

— Елена Авелин.

Я запомнила сразу.

— Кто она?

— Не знаю точно.

— Член Общества?

— Возможно.

— Опять.

— Что?

— «Возможно».

— Иногда это честный ответ.

— А иногда удобный.

Он закрыл книгу.

— Не лезьте в старый архив одна.

— Почему?

— Потому что он плохо организован.

Я уставилась.

— Это самая скучная причина запрета, которую можно придумать.

— Там документы, которые легко повредить. Часть фонда не описана. И доступ ограничен.

— То есть вы там были.

— Да.

— Можете провести?

— Не сейчас.

— Когда?

Он вздохнул.

— Посмотрим.

Я улыбнулась.

— Это почти «возможно».

— Вы быстро учитесь раздражать.

— Вы начали.

Он положил книгу обратно.

— Кстати, график получили?

— Да.

— Тогда четверг.

— Что четверг?

— Моя первая сессия.

— У вас в графике пусто.

— Я назначаю напрямую.

— Конечно.

— Четыре тридцать. Мастерская 214.

— Что делать?

— Разговаривать.

— И всё?

— Пока.

Я записала в телефон.

— Мне что-нибудь приносить?

— Нет.

— Надевать?

Вопрос вылетел быстрее, чем я успела оценить.

Уголок его рта дёрнулся.

— Одежду желательно.

Я закрыла телефон.

— Очень смешно.

— Вы спросили.

— Я имела в виду специальную одежду.

— Я понял.

— Тогда зачем?

— Потому что было слишком легко.

Я пошла к столу.

Он окликнул:

— Лена.

— Что?

— Элена Авелин.

— Да?

— Пока никому не говорите, что ищите.

— Почему?

— Потому что вы сами ещё не знаете, что ищете.

— А вы знаете?

Адриан помолчал.

— Нет.

Вот этому я почти поверила.

Глава 7. Первый материал

Тео работал в звукозаписывающей студии, спрятанной в подвальном этаже музыкального корпуса.

Он встретил меня у двери в больших наушниках.

— Ты вовремя.

— Все сегодня решили комментировать мою пунктуальность?

— Нет. Я обычно сам опаздываю, поэтому удивлён.

Внутри стояли микрофоны, клавиатура, два монитора и слишком много проводов.

На столе — три кружки.

— Они все твои?

— Две.

— А третья?

— Историческая.

Я решила не спрашивать.

— Что будем делать?

— Для начала ничего страшного.

— Ноа говорил то же самое.

— Ноа нельзя верить.

— А тебе?

— Иногда.

Он дал мне наушники.

— Я хочу записать голос.

— Что говорить?

— Пока что угодно.

— Очень профессионально.

— Спасибо.

Он включил микрофон.

Красная лампочка загорелась.

Я сразу стала слышать себя иначе.

Слишком близко.

Каждый вдох.

Щелчок языка.

Пауза.

— Ненавижу, — сказала я.

Тео нажал кнопку.

— Отлично.

— Что именно?

— Первое нормальное предложение.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Он проиграл запись.

Мой голос из динамиков звучал ниже, чем в голове.

— Это ужасно.

— Все так говорят.
— Правда?
— Кроме певцов. Они давно смирились с собой.
Мне стало легче.
Тео предложил несколько упражнений.
Прочитать абзац.
Назвать предметы в комнате.
Повторить одну фразу с разной интонацией.
Потом:
— А теперь засмейся.
— По команде?
— Да.
— Нет.
— Отлично.
— Что отлично?
— Теперь буду тебя смешить.
Он сел напротив.
— Представь Кассиана на детском празднике.
Я выдержала.
— Слабая попытка.
— Он объясняет семилеткам концепцию свободы воли перед разрезанием торта.
Я улыбнулась.
— Почти.
— Адриан в караоке.
Я рассмеялась.
По-настоящему.
Тео сразу ткнул кнопку.
— Есть.
— Ты специально.
— Разумеется.
Он проиграл.
Мой смех заполнил студию.
Это было страннее голоса.
Слишком личный звук.
Без слов, за которыми можно спрятаться.
— Используешь?
— Возможно.
Я посмотрела.
— Ты тоже.
— Что?
— Это слово.
— Я музыкант. У нас ограниченный словарь.
Я рассмеялась снова.
На этот раз он не записал.
Я заметила.

Потом Тео дал мне лист.
Стихотворение Селесты.
Я прочитала первую строку.

Он остановил.

— Медленнее.

— Почему?

— Ты читаешь так, будто хочешь закончить раньше, чем кто-то услышит.

— У вас это корпоративное?

— Что?

— Анализировать меня после каждого действия.

— Нет. Это бесплатно.

Я показала ему язык.

На второй попытке читала медленнее.

Последняя строка:

— Море не возвращает то, что однажды решило оставить себе.

Тео не остановил запись сразу.

Звук продолжал идти ещё несколько секунд.

Я ничего не сказала.

Он выключил.

— Вот это оставлю.

— Что?

— Тишину после.

— Очень дорогостоящий материал.

— Лучший.

Я сняла наушники.

— Почему вы голосовали за меня?

Тео замер с рукой на клавиатуре.

— Кто рассказал про голосование?

— Мне.

— А.

Он повернулся.

— Из-за голоса.

Я посмотрела на микрофон.

— Вы его раньше слышали?

— Весной.

— Где?

— Публичная встреча с Рене Валем.

Я вспомнила.

Большой зал.

Известный романист.

Разговор о новой книге.

Я задала вопрос о бывшей жене, которую он настолько узнаваемо перенёс в роман, что половина литературного интернета обсуждала уже не книгу, а их брак.

Валь ответил:

Искусство не обязано получать разрешение у жизни.

Я спросила:

А человек обязан после этого получить новую биографию от искусства?

Начался спор.

Он затянулся минут на десять.

Я потом несколько дней стыдилась, что вообще полезла к микрофону.

— Вы были там?

— Полуниверситета было там.

— Я думала, никто не запомнил.

— Запомнили.

Очень простое слово.

Но я почувствовала то самое опасное удовольствие.

Меня заметили ещё тогда.

До чёрного конверта.

До церемонии.

— Это все обсуждали при голосовании?

— Не могу рассказывать детали.

— Но обсуждали меня.

— Конечно.

— Очень комфортно.

— Никто не выбирает Музу по фотографии из студенческого билета.

— Некоторые, возможно, предпочли бы.

Тео улыбнулся.

— Я нет.

В дверь постучали.

Изабель просунула голову.

— Заканчиваете?

— Через десять минут.

Она посмотрела на меня.

— Завтра в восемь.

— Утром?

— Другого восьми нет.

— Где?

— Старая библиотека естественных наук.

— Она закрыта.

— Для студентов.

— А для тебя?

Изабель подняла камеру.

— У меня есть ключ.

И исчезла.

Тео проводил её взглядом.

— Вот её бойся.

— Почему?

— Она может заставить тебя думать, что ты сама захотела то, чего пять минут назад не собиралась делать.

— Звучит как нарушение правил.

— Нет. Она обычно спрашивает.

— Тогда?

— Просто очень хорошо смотрит.

Я вспомнила Адриана.

Внимание как наркотик.

Начинала понимать.

В восемь утра библиотека была ледяной.

Изабель уже стояла между стеллажами.

— Ты опоздала на две минуты.

— Это заговор.

— Что?
— Ничего.
Она не оценила.
Хорошо.
Хоть один человек.
— Что делать?
— Сними пальто.
— Здесь холодно.
— Тогда оставь.
Вот и вся режиссура.
Я ждала.
Изабель подняла камеру.
— И?
— Ничего.
— Я должна позировать?
— Нет.
— Смотреть?
— Куда хочешь.
Первые несколько минут я была слишком сознательна.
Знала, где камера.
Как держу подбородок.
Куда деть руки.
Изабель почти ничего не говорила.
Только перемещалась.
Иногда меняла объектив.
Потом спросила:
— Как выглядела твоя комната дома?
Я удивилась.
— Зачем?
— Отвечай или нет.
Я подумала.
— Маленькая.
Щёлк.
— Стол?
— Папа сделал.
— Сам?
— Да. Он немного качался.
— Почему не починил?
— Чинил несколько раз. Потом снова начинал.
Щёлк.
— Что оставила дома?
Я посмотрела на окно.
— Почти всё.
— Конкретно.
— Старые книги. Школьные тетради. Коробку с письмами.
— Чьими?
— Моими.
Изабель опустила камеру.
— Ты писала письма себе?

— Нет. Подругам. Просто не отправляла часть.
— Почему?
— Уже не помню.
Она снова подняла объектив.
— Врёшь.
— Все сегодня решили?
— Что?
— Ничего.
Щёлк.
Я устала от камеры примерно через двадцать минут.
Именно тогда перестала помнить о ней постоянно.
Села на край стола.
Начала листать старый каталог.
Изабель спрашивала про школу.
Маму.
Переезд.
Самую нелепую вещь, которую я хранила дома.
Я рассказала про старый ключ от квартиры, которой давно не существовало.
— Почему сохранила?
— Потому что он был мой.
— Но дверь уже другая.
— Я знаю.
Щёлк.
После этого Изабель подошла к экрану.
— Всё.
— Можно посмотреть?
— Да.
Фотографии были разными.
Некоторые ужасные.
На одной я моргала.
На другой подбородок выглядел так, будто принадлежал другому человеку.
На третьей я была красивая.
Она мне не понравилась.
Потом появился кадр, где я рассказывала про ключ.
Лицо спокойное.
Глаза — нет.
Я сразу сказала:
— Этот не используй.
Изабель посмотрела на меня.
— Почему?
— Просто не хочу.
Она кивнула.
— Хорошо.
— Удали.
— Нет.
Я повернулась.
— Почему?
— Потому что фотография моя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.